Krasnoe znamía

891.708
K89

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ПЕРВОМАЙСКІЙ СБОРНИКЪ

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое.“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія партіи Соціалистовъ-революціонеровъ.

Pamphlet Collection
Duke University Library

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

ПЕРВОМАЙСКІЙ СБОРНИКЪ

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты
право свое."

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія партіи Соціалистовъ-революціонеровъ.

I МАЯ И НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Праздникъ 1 Мая есть праздникъ рабочаго люда сего міра, великій праздникъ свободнаго труда. Свободный же трудъ требуетъ прежде всего — мира, согласія среди всѣхъ людей, разумнаго общественнаго порядка, а потому этотъ рабочій праздникъ — праздникъ международнаго мира, согласія и общественной солидарности. Но такъ какъ въ настоящее время всюду царитъ организованное насиліе сильныхъ надъ слабыми, властныхъ надъ подчиненными, всюду господствуетъ эксплуатація рабочихъ хозяевами, бѣдняковъ богачами, — то праздникъ 1-го мая есть въ то же время великій боевой, революціонный праздникъ, ибо онъ со своимъ краснымъ знаменемъ и боевымъ кликомъ „рабочіе всѣхъ странъ, — соединяйтесь!"—призываетъ всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ не только къ солидарности между собою, но и къ непримиримой борьбѣ съ организованной шайкой насильниковъ и эксплуататоровъ всѣхъ странъ, всего міра. Это международный праздникъ сознательныхъ рабочихъ по преимуществу. Это—не обычный отдыхъ отъ тяжелаго будничнаго труда: изстари вѣковъ даже рабовладѣльцы и крѣпостники давали передышку своимъ рабамъ и крѣпостнымъ и вмѣсто работы посылали ихъ въ церкви къ попамъ — молиться за здоровье своихъ господъ-владѣльцевъ; самый жестокій хозяинъ въ своихъ собственныхъ интересахъ и скотинѣ даетъ передышку. Не въ этомъ великій смыслъ праздника 1 мая. Это — не обычное праздничное „бездѣліе", нѣтъ, напротивъ; это — высокое, священное служеніе рабочему дѣлу — общечеловѣческому дѣлу — со стороны всѣхъ честныхъ

и сознательныхъ рабочихъ — безъ различія ихъ профессіи, ихъ пола, возраста, званія или національности. И только тотъ человѣкъ, который понимаетъ, что дѣло всѣхъ трудящихся есть дѣло общечеловѣческое, можетъ назваться дѣйствительно сознательнымъ рабочимъ, т. е. убѣжденнымъ соціалистомъ.

Рабочій-соціалистъ понимаетъ, что онъ борется не только за копѣйку, не только за свой интересъ, и даже не только за интересъ своихъ собратьевъ по труду — а за разумное счастье всѣхъ людей. Онъ добивается не какихъ-нибудь особенныхъ преимуществъ для своего сословія или класса въ отличіе отъ другихъ сословій и классовъ; онъ добивается уничтоженія всякихъ преимуществъ однихъ людей или сословій передъ другими; онъ добивается всеобщаго равенства въ правахъ и обязанностяхъ. На смѣну царству знати и царству богатства онъ несетъ *царство труда*. Но знатностью рода, графскимъ титуломъ или денежнымъ мѣшкомъ владѣетъ не всякій; *трудомъ* же, рабочей силой обладаетъ всякій человѣкъ. Всякій можетъ трудиться, всякій отъ природы способенъ къ какому-нибудь полезному дѣлу, и царство труда наступитъ тогда, когда разумными правилами будетъ узаконенъ всеобщій трудъ на всеобщую пользу. Тогда ничьи способности не будутъ теряться даромъ или пропадать отъ бездѣлья. Только тогда человѣчество заживетъ дружной трудовой семьей, развернетъ всѣ свои силы и сдѣлается могучимъ, счастливымъ и свободнымъ господиномъ и повелителемъ всей природы.

Но на пути къ этому царству свободы и счастья передъ рабочими стоятъ два препятствія, которыя прежде всего нужно преодолѣть. Одно препятствіе — самое близкое и очевидное, на которое натыкается самъ собою всякій рабочій. Это — экономическая организація, прочный союзъ хозяевъ-капиталистовъ. Чтобы лучше господствовать надъ своими рабочими и чтобы навязывать свою волю, свои желанія, свои цѣны покупателямъ товаровъ, эти хозяева-капиталисты соединяются въ акціонерныя ком-

аніи, общества, синдикаты и тресты. Несмотря на заимную борьбу, на конкурренцію между собою, противъ рабочихъ и противъ потребителей хозяева выступаютъ одной дружной шайкой. То — ихъ домашнія, семейныя распри, то грызутся свои собаки, это не мѣшаетъ имъ разомъ, дружно бросаться на чужую...

Рабочіе давно и легко замѣтили, что для всякаго хотя бы небольшого улучшенія своего положенія они должны противопоставить этому братству хозяевъ-капиталистовъ свое рабочее братство. Естественно и безсознательно, рабочіе начинаютъ сплачиваться по профессіямъ, по ремесламъ, сначала около своихъ мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ. Затѣмъ, слѣдуя за своими хозяевами, они вынуждаются пойти дальше, объединяться по профессіямъ, по ремесламъ разомъ во всей странѣ. Наконецъ наступаетъ моментъ, когда имъ приходится понять, что всѣ рабочіе люди должны подать другъ другу руку, не обращая вниманія на разницу ремеслъ и профессій, и сойтись въ рядахъ одной великой арміи труда. Не хуже хозяевъ рабочіе узнаютъ, что въ союзѣ — сила, и съ тихъ поръ рабочіе и хозяева наперерывъ, другъ передъ другомъ стараются расширить и усилить свой хозяйственный союзъ — кто кого перегонитъ...

Но еще раньше рабочимъ приходится натолкнуться на другое препятствіе для завоеванія лучшей доли — на препятствіе, котораго они раньше чаще всего даже и не замѣчали. Горькимъ опытомъ они убѣждаются, что хозяева-капиталисты въ своей борьбѣ противъ рабочихъ могутъ орудовать не только силой своего туго-набитаго кошелька, но и всѣми силами современнаго государства. Это государство, эта организованная, наложенная на страну сверху власть съ ея чиновниками, министерскими канцеляріями, полицейскими участками, казармами, тюрьмами, пушками и казацкими нагайками—всякую минуту къ услугамъ хозяевъ для порабощенія рабочаго люда. Оно теперь существуетъ прежде всего и больше всего для того, чтобы систематически подавлять въ рабочихъ

чувства самостоятельности, свободы, сознанія своихъ правъ. Нынѣшнія государства и правительства служатъ одному сословію противъ другихъ. Вотъ почему сословныя правительства почти всѣхъ странъ стараются мѣшать народному просвѣщенію, запрещаютъ свободу слова и печати, сходокъ, союзовъ, собраній; содержатъ арміи поповъ, чиновниковъ, солдатъ, полиціи, жандармовъ и сыщиковъ для охраны — внутри и извнѣ — выгодъ и преимуществъ господствующаго меньшинства — царей, дворянъ и капиталистовъ.

Противъ такой власти ничего нельзя подѣлать мелкими забастовками, повседневной профессіональной борьбой. Тутъ нужны болѣе сильныя средства. Противъ такой власти безсильны и мелкіе отдѣльные рабочіе союзы, кассы, артели и т. п. Нужна общенародная революціонная организація, которая смогла бы или посредствомъ давленія на центральную власть вынудить, вырвать у нея существенныя реформы, или посредствомъ революціи захватить всю политическую власть въ свои руки, чтобы приняться за еще болѣе серьезную, еще болѣе глубокую перестройку всего существующаго строя — закладывать фундаментъ будущаго царства труда...

Для этой революціонной борьбы опять таки необходимо братство рабочихъ независимо отъ ихъ ремеслъ или профессій. Профессіональная борьба за непосредственные хозяйственные интересы отдѣльныхъ слоевъ рабочаго люда всегда была первоначальной школой борьбы, воспитанія самодѣятельности рабочаго люда. Но при ней нерѣдко развивается цеховая рознь, узость, исключительность. Объединяясь для борьбы только въ предѣлахъ своего ремесла, рабочіе чувствуютъ себя чужими рабочимъ другого ремесла. Вмѣсто дружества, среди рабочихъ разныхъ профессій можетъ возникнуть недоброжелательство и соперничество. Фабричный смотритъ свысока на земледѣльца или чернорабочаго; земледѣлецъ или чернорабочій обижаются и считаютъ фабричнаго зазнавшимся выскочкой. Труженикъ пера, интеллигентъ

носится снисходительно-покровительственно къ ра-
чему; рабочій недовѣрчиво и подозрительно отно-
ится къ интеллигенту. Сами рабочіе между собою
уждаются людей другого цеха и распѣваютъ другъ
ро друга пѣсенки, вродѣ той, которая еще недав-
о ходила среди нашихъ отцовъ —

Расканальи столяры,
Черти плавильщики,
Свиньи каменьщики,
А мы, братцы-кузнецы,
Удалые молодцы, и т. д.

Великое соціалистическое ученіе кладетъ всему
ому конецъ. При немъ ничего подобнаго не дол-
но и не можетъ быть. Соціализмъ соединяетъ всѣхъ
юдей труда въ одну дружную семью. Соціализмъ
аставляетъ всѣхъ рабочихъ проникнуться той мыслью,
го они не только — портные, сапожники, столяры,
етинщики, ткачи или землепашцы, а прежде всего
юди и граждане своей страны, которые хотятъ ра-
отать, чтобы свободно жить, а не жить, чтобы вѣч-
о на другихъ работать; что они родились людьми,
не портными, ткачами или землепашцами, что они
гали таковыми потому, что всякій человѣкъ, жела-
щій пользоваться общественными благами его вре-
ени, долженъ припять участіе въ общественномъ
рудѣ, избрать себѣ то или другое спеціальное ре-
есло, тотъ или другой видъ труда на общую поль-
у; что всякій рабочій — нынѣ ткачъ, портной или
голяръ, а завтра, оставшись безъ работы, готовъ
зять всякую работу, какая найдется или какую ему
адутъ, лишь бы не умереть съ голоду. Въ деревнѣ
въ городѣ, у фабричнаго станка и за письменнымъ
голомъ интеллигента надъ трудомъ тяготѣетъ одинъ
тотъ же злой рокъ. Въ томъ-то вся и бѣда, что
еперь рабочему человѣку приходится искать работу,
росить, вымаливать ее. Весь ужасъ современнаго
оложенія въ томъ, что при настоящихъ порядкахъ
абочій представляетъ собой — рыночный товаръ,
не свободнаго человѣка, и владѣетъ имъ тотъ, кто

можетъ купить или, — какъ чаще говорятъ, — на нять его, чтобы заставить работать все, что прика жетъ покупщикъ-хозяинъ. И рабочему приходитс паниматься, продавать свои жизненныя силы за чт дадутъ, лишь бы не умереть съ голоду, — прихо дится волей-неволей, потому что все на свѣтѣ, к чему рабочему нужно и можно бы было приложит свои руки для поддержанія жизни — земля и вод и все, что есть въ нихъ или на нихъ, и фабрик и заводы, и желѣзныя дороги, — все, что создан усиліями многихъ человѣческихъ поколѣній или да ромъ дано природой, — все это общее національно богатство захвачено силой или скуплено сравнител но небольшой шайкой властныхъ и богатыхъ людей всему же остальному человѣчеству,—для того, чтоб имѣть возможность жить и имѣть доступъ къ бла гамъ жизни на землѣ,—приходится идти на служб и продаваться въ кабалу къ владыкамъ всей земли Если бы можно было они, капиталисты и правители захватили бы или скупили и самый солнечный свѣт

Не имѣя возможности сдѣлать этого, они строят мрачныя, полутемныя тюрьмы, кутузки, крѣпости темные карцеры и сажаютъ туда живыхъ людей, на казывая за любовь къ свободѣ и свѣту лишеніем свободы и свѣта. Огромное большинство людей с самаго дня рожденія лишены самыхъ естественных человѣческихъ правъ и чтобы жить принуждены под чиняться и „добровольно“ продаваться знатнымъ и богатымъ насильникамъ. И таково положеніе всѣх остальныхъ людей, — ученыхъ и неученыхъ, иск кусныхъ или неискусныхъ работниковъ. Разница между ними только та, что одни продаютъ себя до роже, а другіе дешевле, но сущность гражданскаго рабства не измѣняется. Не только темные рабочіе но существуетъ масса ученыхъ людей, которые, про давшись за хорошую цѣну, не замѣчаютъ — или не хотятъ замѣтить — своего рабства и своего продаж наго положенія. А между тѣмъ положеніе такъ ясно такъ просто, что пониманіе коренного зла доступно всякому и неученому человѣку. Истина проста: не

раведливость общественныхъ порядковъ и всѣ протекающія отсюда несчастія и страданія рабочаго да не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не уничжится окончательно наемный трудъ. А наемный удъ уничтожится только тогда, когда всѣ такъ наваемыя *средства производства* — т. е. всѣ природ-ія блага на землѣ и все, что создано трудами прежхъ поколѣній,—будутъ изъяты изъ частныхъ рукъ астителей и богачей и обращены въ общую, всеародную, національную собственность. Каждое жие поколѣніе людей получаетъ эти блага даромъ и отъ природы, или отъ предшествующихъ поконій отцовъ и праотцевъ и должно сообща пользоться всѣми этими благами, пріумножать ихъ рамнымъ трудомъ и въ сохранности передать слѣдущему за нимъ поколѣнію людей. Таковъ высокій деалъ трудящагося человѣчества.

Этотъ идеалъ — не поповскія басни, сулящія унненнымъ и страждущимъ царство небесное на томъ вѣтѣ, послѣ смерти, чтобы они на этомъ свѣтѣ терѣливѣе позволяли обдирать себя и смиренно сноили свое рабство и каторжную жизнь. Это—вѣчпо ивое стремленіе живыхъ людей и во имя живыхъ одей. Стремленіе къ свободѣ и разумному наслаженію всѣми благами жизни присуще всѣмъ людямъ съ древнихъ временъ являлось самымъ могучимъ вигателемъ общественнаго прогресса.

Приближается великій историческій моментъ, кога трудящіяся массы всего міра должны взять накоецъ свою судьбу изъ рукъ царей, поповъ, чиновниовъ и богачей въ свои собственныя руки. Поповская вѣра отживаетъ свой вѣкъ; наступаетъ и быро распространяется новая, рабочая вѣра, ведущая ь всеобщей солидарности и истинному братству сѣхъ людей на землѣ. Поповско-полицейская вѣра роповѣдывала угнетеннымъ массамъ смиреніе и безрекословное повиновеніе и послушаніе насильниамъ. Рабочая вѣра, основанная на братской солирности всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ, призыаетъ людей, во имя общественнаго блага, къ не-

примиримой борьбѣ съ угнетателями и эксплуатато-рами, которые не даютъ людямъ жить полюдски. Эта новая вѣра истинно не знаетъ ни эллина ни іудея въ царствѣ своемъ. Она основана не на поповскихъ сказкахъ о хвостатыхъ и рогатыхъ чертяхъ и т. п. небывальщинѣ, а на строгой наукѣ и требуетъ свободнаго, широкаго, истинно научнаго образованія для всѣхъ людей. Эта-то новая вѣра и называется соціализмомъ, а тотъ глубокій и окончательный переворотъ, который она должна произвести послѣ ниспроверженія существующаго несправедливаго строя — называется соціальной революціей. Однимъ изъ величественныхъ проявленій этой новой научной вѣры и является всемірный рабочій праздникъ 1-го Мая.

Въ этотъ день сознательные послѣдователи новой вѣры, труженики физическаго и умственнаго труда, гдѣ тайкомъ, какъ во времена гоненія на первыхъ христіанъ, гдѣ явно, какъ въ большинствѣ странъ Европы и Америки, сходятся въ собранія, обсуждаютъ свое положеніе, обдумываютъ дальнѣйшее свое поведеніе и шлютъ привѣтствія рабочимъ другихъ странъ, или — собравшись тысячными отрядами, съ краснымъ знаменемъ рабочей свободы впереди, расхаживаютъ по улицамъ всѣхъ городовъ, — живымъ дѣломъ и примѣромъ разнося среди еще темныхъ братьевъ своихъ вѣсть о приближеніи міровой Соціальной Революціи, — всеобщей свободы, равенства и братства. Послѣ цѣлаго года неустанной и самоотверженной устной и печатной пропаганды и агитаціи, послѣ безчисленныхъ преслѣдованій и безконечной повседневной профессіональной борьбы съ своими эксплуататорами, рабочіе физическаго и умственнаго труда, въ этотъ день производятъ генеральный годовой смотръ своимъ силамъ и такимъ образомъ сплачиваютъ свои раздробленные отряды въ одну объединенную всемірную рабочую армію.

Но Соціальная Революція, — конечная цѣль рабочаго люда, — требуетъ неустанной пропаганды соціалистическихъ идей и неустанной революціонной борьбы народной массы за свои политическія права

ъ разныхъ странахъ свѣта путемъ долгой борьбы азные народы добились не одинаковой степени оитической свободы отъ своихъ правящихъ насильиковъ и потому, одни стоятъ къ соціальной революціи ближе, другіе дальше, и то, что отвоевано одимъ народомъ, другому еще приходится отвоевыать упорной борьбой и часто кровавой революціей. Поэтому, хотя сознательные рабочіе и соціалисты сѣхъ странъ объединены одной вѣрой, однимъ дуомъ, однимъ идеаломъ всеобщей свободы, равенгва и братства, но на пути къ осуществленію этоо идеала передъ ними стоятъ не одинаковыя преятствія и потому въ разныхъ странахъ они предъвляютъ различныя ближайшія политическія требоанія. Русскимъ рабочимъ и соціалистамъ тоже приодится опредѣлить свои ближайшія требованія. Поитическія требованія не могутъ быть профессіональыми, они должны охватывать собою общественную изнь всей страны, они должны носить общенародый, или національный, характеръ. Слѣдовательно, и академическая свобода университетовъ, ни земкое или городское самоуправленіе, ни рабочее закоодательство и т. п. въ отдѣльности не могутъ явитья общенаціональными ближайшими требованіями. акая же національная задача стоитъ теперь пеедъ Русскимъ народомъ?

Во Франціи слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ поредствомъ всенароднаго возстанія или революціи ыла уничтожена власть царя и дворянъ, отмѣнено рѣпостное право, народъ добылъ себѣ свободу, сталъ правляться самъ собой черезъ своихъ выборныхъ, е. вмѣсто самодержавія установилъ республиканкое управленіе. Къ тому же, рано или поздно, приіло бы дѣло и въ Россіи.

Но Русскій царь, 40 лѣтъ тому назадъ, видя натупающую бурю, чтобы спасти свое самодержавіе, амъ поспѣшилъ формально уничтожить крѣпостное раво. Мы знаемъ теперь, какова оказалась эта царкая воля, какъ она должна была переродиться и ѣйствительно переродилась въ новую неволю. Но

какъ бы то ни было, она все таки упразднила ог
ромное зло русской жизни, и такое зло, на котором
основывалось множество другихъ золъ. Не тронуг
ши крѣпостного права, въ Россіи нельзя было улуч
шить ничего.

Поэтому, назрѣвшей исторической задачей, бли
жайшимъ національнымъ требованіемъ въ Россіи 4
лѣтъ тому назадъ было — уничтоженіе крѣпостног
права. Никакія реформы въ области управленія, су
допроизводства, въ области народнаго образованія
финансовъ и т. п. были не мыслимы и разговари
вать о нихъ, выставлять ихъ въ качествѣ ближай
шихъ требованій было бы политическимъ тупоуміем

Теперь же, избавившись отъ тысячъ и тысячъ ме
кихъ безконтрольныхъ, неограниченныхъ деспотов
-помѣщиковъ, русскій народъ и всѣ народности, на
селяющія Россійскую Имперію, Романовское по
мѣстье, во всемъ своемъ составѣ столкнулись ли
цомъ къ лицу съ единымъ всероссійскимъ неограни
ченнымъ помѣщикомъ-деспотомъ, воплощающимъ в
себѣ систему дикаго азіатскаго произвола, органи
зованнаго насилія и денного разбоя, именуемаг
царскимъ самодержавіемъ, которое наконецъ пред
стало передъ всѣмъ народомъ во всемъ своемъ чу
довищномъ безобразіи. Какъ при крѣпостномъ пра
вѣ 50 лѣтъ тому назадъ, такъ и при настоящем
самодержавіи никакія частичныя реформы теперь не
возможны. Это положеніе должно стать для всѣх
слоевъ населенія, для всѣхъ народностей безспор
ной, самоочевидной истиной. Мы уже видѣли попыт
ки этихъ самодержавныхъ „реформаторовъ". Чтоб
отдѣлить студенговъ отъ рабочихъ, самодержавны
царь назначилъ министромъ народного просвѣщені
старую развалину, солдата Ванновскаго, думая об
мануть студенговъ мнимой академической свободой
чтобы отдѣлить рабочихъ отъ интеллигенціи, студен
товъ и соціалистовъ, самодержавное правительст
стало устраивать шпіонскія организаціи рабочих
и шутовскія возложенія вѣнковъ на памятникъ за
клятаго врага рабочаго народа. Но всѣ эти шуто

скія комедіи долго продолжаться не могутъ. И этого опасаться нечего. Въ этой темной, безсознательно колопствующей толпѣ находилась лишь ничтожная горсть сознательныхъ негодяевъ изъ рабочихъ, измѣнниковъ рабочему дѣлу; остальная масса шла по своей слѣпотѣ. Эти — не враги народной свободы, они только слѣпые люди. Завтра у нихъ откроются глаза и завтра же они присоединятся къ дѣлу народной свободы.

Народные враги, враги сознательные и потому безпощадные, — въ другомъ мѣстѣ. Въ Россіи давно уже нѣтъ правильнаго управленія, въ ней давно царитъ произволъ опричины. Царь и его самодержавные опричники теперь оставляютъ всѣ начатые было разговоры о „сердечномъ попеченіи“, сбрасываютъ наконецъ свои маски передъ всѣмъ народомъ и ставятъ всю русскую землю, какъ непріятельскую страну, на военное положеніе, а всѣмъ подвластнымъ народамъ и всему русскому населенію — безъ различія возраста, пола, званія, вѣры и положенія — объявили открыто безпощадную войну, стараясь раздавить всякое живое проявленіе свободнаго духа силою солдатскаго штыка, казацкихъ плетей, полицейскихъ шашекъ, кулаковъ дворниковъ и шпіоновъ.

Посмотримъ же, во что выродилось русское самодержавіе:

Ограниченный и жалкій царь, желающій „слѣдовать по стопамъ незабвеннаго родителя“, окруженный шайкой вельможнаго отребья и шпіоновъ, пробирается къ своей цѣли среди своихъ „возлюбленныхъ народовъ“, какъ тать во тьмѣ. Министры народнаго просвѣщенія съ подчиненной сворой чиновниковъ употребляютъ всѣ силы, чтобы заглушить народное просвѣщеніе. Министры внутреннихъ дѣлъ — настоящіе заплечные палачи, превратили всю страну въ одну сплошную тюрьму и всюду разрушаютъ послѣдніе остатки правильнаго общественнаго порядка: уничтожаютъ послѣдніе признаки мѣстнаго городского, земскаго и общиннаго самоуправленія, довели дѣло до того, что русскій обыватель не мо-

жетъ свободно не только передвигаться по своей родной землѣ, но и жить хозяиномъ въ собственномъ домѣ; домовладѣльцы не могутъ безъ спроса полиціи ни нанять—ни разсчитать своихъ шпіоновъ-дворниковъ; ухаживая за милліонерами евреями, еврейской рабочей массѣ не позволяютъ жить и учиться хотя бы наравнѣ съ безграмотнымъ и безправнымъ русскимъ населеніемъ; полякамъ и малороссамъ не даютъ свободно учиться и говорить на своемъ родномъ языкѣ; множеству „свободныхъ" христіанъ — молиться Христу такъ, какъ имъ подсказываетъ совѣсть; въ болѣе свободной Финляндіи уничтожили самоуправленіе и ввели, какъ и повсюду, бѣлый терроръ.

Министры финансовъ назначаются какъ бы нарочно для того, чтобы обобрать и разорить въ конецъ весь народъ и какъ можно скорѣе привести всю страну къ полнѣйшему банкротству, возложивъ страшное бремя государственныхъ долговъ на плечи нѣсколькихъ будущихъ поколѣній русскаго народа. Неимущій народъ задавленъ податями и недоимками, мретъ и пухнетъ съ голода изъ года въ годъ, земли и государственная казна расхищаются самымъ наглымъ образомъ; крестьяне нищенствуютъ или отлеживаются отъ голодной смерти, растянувшись неподвижно на печкахъ и лавкахъ; голодныхъ запрещаютъ кормить. Министры Юстиціи .... суды, законы .... по-еще Пушкинъ сказалъ, что

Въ Россіи нѣтъ Царя,
Въ Россіи нѣтъ закона:
Въ Россіи столбъ стоитъ,
А на столбѣ корона!

Со всѣхъ концовъ Русской земли изъ народа несутся одни и тѣ же стоны и вопли: „пухнемъ съ голоду!", „мремъ отъ болѣзней!", „бьютъ! бьютъ и бьютъ!". Всѣ тюрьмы переполнены. Частные дома превращаются въ тюрьмы, вся страна — сплошная тюрьма!

Таково положеніе и таково настроеніе, съ которы-

ли русскимъ сознательнымъ рабочимъ и соціалис-
амъ приходится встрѣчать 1 Мая 1902 года.

Само политическое положеніе настоящаго момен-
а повелительно диктуетъ всему народу соотвѣтст-
енное поведеніе. Насталъ критическій моментъ въ
кизни русскаго народа. Такъ дольше жить нельзя!
Пожаръ непріятельскаго нашествія царскихъ оприч-
никовъ разливается по всей землѣ; избіенія, кровь
и смерть разносятся всюду хуже, чѣмъ во времена
опричниковъ Ивана Грознаго. Нѣтъ другого выхода:
къ оружію, рабочіе и всѣ честные граждане русской
земли! Приходитъ время, когда на насиліе нужно
будетъ отвѣтить также силою!

Мы видѣли ближайшія политическія требованія,
которыя повелительно диктуются рабочему классу въ
Россіи въ настоящій историческій моментъ и кото-
рыя долженъ выставить русскій рабочій классъ, что-
бы стать во главѣ общенаціональнаго движенія. Всѣ
эти требованія должны слиться въ одномъ кликѣ:

Долой самодержавіе! Долой опричину! Да здрав-
ствуетъ Земскій Соборъ!

Что касается до революціонной тактики борьбы,
то нужно понять и помнить, что всѣ профессіональ-
ныя и даже частныя политическія требованія дол-
жны отойти на второй планъ или быть подчинены
главному требованію — немедленному сверженію са-
модержавія и созванію выборныхъ народа отъ всей
земли въ Земскій Соборъ. Нужно ясно понять поло-
женіе и сообразно этому дѣйствовать: объявивъ чуть
не всю страну на положеніи усиленной охраны, пра-
вительство объявило войну всему русскому народу, и
народъ имѣетъ право защищаться всѣми средствами,
какъ онъ сталъ бы защищаться отъ непріятеля — по
всѣмъ правиламъ военнаго времени. Но чтобы эта
оборонительная борьба шла успѣшно, нужно ее ве-
сти планомѣрно. Русскому народу бѣжать некуда,
онъ у себя дома. Непріятель ворвался внутрь стра-
ны, расползся мелкими кучками по всему лицу зем-
ли русской въ видѣ земскихъ начальниковъ, поли-
цейскихъ урядниковъ, становыхъ, исправниковъ, и

прочаго злостнаго чиновнаго сброда. Конечно противъ жалкихъ и слѣпыхъ *орудій* произвола царскаго самодержавія, — противъ казаковъ, жандармовъ и полиціи, — нужно бороться возможно болѣе обширными массами и сомкнутыми колоннами. Это наступленіе русскихъ гражданъ на русское самодержавіе уже началось правильно — массовыми и повсемѣстными демонстраціями въ городахъ. Нужно неотложно, главнымъ образомъ самимъ рабочимъ, стремиться теперь же всколыхнуть крестьянскія массы, чтобы и онѣ поддержали своимъ напоромъ городское движеніе. Союзъ рабочихъ людей города и деревни будетъ непобѣдимой силой.

Но какъ ни жестоки слѣпыя царскія орудія — казаки, солдаты и мелкіе полицейскіе, нужно помнить, что они сами — жалкія и слѣпыя жертвы царскаго произвола. Отъ нихъ необходимо отбиваться, но бить и нападать на нихъ не слѣдуетъ. Но на что настаетъ время обратить вниманіе, это на главныхъ предводителей непріятельской арміи, на отмѣченныхъ каиновой печатью совѣтниковъ царя, которые уже давно купаются въ народной крови, — на главныхъ руководителей народнаго избіенія. Массовой атакой до нихъ часто нельзя добраться, потому что они обыкновенно издали и сидя въ своихъ кабинетахъ и канцеляріяхъ, отдаютъ свои чудовищныя, безчеловѣчныя приказанія. Для защиты всего населенія и въ отвѣтъ на наиболѣе возмутительные случаи звѣрской расправы, избіенія безоружныхъ гражданъ и надругательства надъ ними, должны быть организованы небольшія, но строго конспиративныя боевыя организаціи или группы, которыя смогутъ, когда жизнь этого потребуетъ, — дѣйствовать по законамъ военнаго времени.

Мы, русскіе революціонеры, не остановимся передъ самой упорной, самой ожесточенной борьбой. Первое предостереженіе врагу нами уже сдѣлано. Казнью Сипягина русскіе революціонеры показали, что если наше правительство по закону не отвѣтственно передъ народомъ, то можно привлечь его

инымъ путемъ къ отвѣту передъ судилищемъ народнаго гнѣва, воплощеннаго въ боевомъ отрядѣ революціонной арміи.

Пусть же берегутся правительственные истязатели и палачи! Подвигъ самопожертвованія застрѣльщика-революціонера есть только часть общаго массового натиска на правительство; и эта живая, неразрывная связь между всѣми силами и средствами борьбы удваиваетъ могучее вліяніе каждаго изъ нихъ. Взаимно подкрѣпляя и усиливая другъ друга, они составляютъ единый глубокій и многоводный потокъ **народной революціи**; и этотъ потокъ неминуемо снесетъ всѣ плотины и преграды, когда разразится гроза народнаго негодованія...

Кто сѣетъ вѣтеръ — тотъ пожнетъ бурю!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Три стихотворенія.

I

ПЕРВОЕ МАЯ.

Время не терпитъ — дружнѣй за работу!
Дрогнулъ престолъ самодержца-царя...
Бросимъ о мелочныхъ распряхъ заботу —
Полымемъ вспыхнула жизни заря!

Красное знамя взвилось надъ землею,
Чудной картинѣ не вѣрятъ глаза:
Бурно несется волна за волною,
Это — народнаго мщенья гроза...

Полные вѣрою въ правое дѣло,
Съ жаждой свободы въ мощной груди
Рати рабочія гордо и смѣло
Красное знамя несутъ впереди.

Тотъ, кто сумѣлъ при мертвящемъ царизмѣ
Душу живую въ груди сохранить,
Кто не погрязъ въ мелочномъ эгоизмѣ,
Не разучился свободу любить —

Перваго мая подъ стягомъ свободы
Смѣло въ ряды становись — и впередъ!
Всюду давно пробудились народы —
Пусть же проснется и русскій народъ!

Бодро снесемъ всѣ страданья и бѣды,
Цѣпи невѣжества массъ разобьемъ,
И передъ ними, какъ символъ побѣды,
Красное знамя свое развернемъ!

II

ИЗЪ ССЫЛКИ.

Душно намъ, душно! мы рвемся къ отчизнѣ...
О, еслибъ оковы свои разорвать
И, ринувшись въ волны бушующей жизни,
Несмѣтныя рати борцовъ вербовать,
Ихъ звать вдохновенною рѣчью пророка
Изъ душныхъ лачугъ, изъ подваловъ-могилъ,
И красное знамя воздвигнуть высоко
Надъ прахомъ развѣянныхъ вражескихъ силъ!

III

ПРИЗЫВЪ.

Впередъ, впередъ! Призывный кличъ раздался,
И съ жаждой мстить въ измученной груди
Народъ встаетъ, народъ заволновался
И знамя красное взвилося впереди!
Скорѣй туда, гдѣ крики и смятенье,
Гдѣ два врага сошлись лицемъ къ лицу,
Гдѣ вопли, стонъ, пальба и избіеніе...
Тамъ мѣсто, тамъ отважному бойцу!
Забудь себя, всѣ личныя желанья,
Отдайся битвѣ весь, стряхнувъ покой раба,
И жизнь твою, твою любовь, страданья
Поглотитъ все великая борьба!

ЗНАЧЕНІЕ ПЕРВОМАЙСКАГО ПРАЗДНЕСТВА.

Въ 1889-мъ году на Парижскомъ съѣздѣ представителей отъ рабочихъ и соціалистовъ всѣхъ странъ было рѣшено, чтобы первое Мая стало рабочимъ праздникомъ, чтобы въ этотъ день повсюду были народныя собранія, а на этихъ собраніяхъ чтобы рабочій классъ повсюду выставилъ требованіе сокращенія рабочаго времени до восьми часовъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ къ этому было прибавлено требованіе прекращенія войнъ между народами, а въ прошломъ году было рѣшено, чтобы на всѣхъ первомайскихъ празднествахъ рабочіе всѣхъ странъ выражали свое сочувствіе русскимъ революціонерамъ и русскимъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ царскимъ самодержавіемъ.

Скромныя, на первый взглядъ, это требованія. Много найдется теперь въ Европѣ людей, которые не принадлежатъ къ рабочимъ и не соціалисты, а все таки полагаютъ, что восьмичасовой день рабочимъ можно дать, что войны—гибель и раззореніе для народовъ, а господство самодержавія въ Россіи—позоръ для нашей страны и всего человѣчества. И тѣмъ не менѣе, никто изъ этихъ благодушныхъ и хорошихъ людей не выходитъ вмѣстѣ съ рабочими и соціалистами на улицу, чтобы пройтись вмѣстѣ съ ними въ торжественномъ шествіи по городу, и никто изъ нихъ не участвуетъ въ первомайскомъ праздникѣ.

Происходитъ это оттого, что всѣ они знаютъ, какой смыслъ придаютъ сами рабочіе этимъ скромнымъ требованіямъ, что для рабочихъ и восьми-часовой рабочій день, и прекращеніе войнъ, и паденіе русскаго самодержавія дороги не только сами по себѣ, но еще дороги, какъ средство для достиженія ихъ великой исторической цѣли: устройства разумной общественной жизни на соціалистическихъ началахъ. Въ праздникъ перваго Мая рабочіе дѣлаютъ торжественный смотръ тому войску, которое въ подходящій моментъ должно будетъ взять штурмомъ крѣпость бур-

жуазіи, силою уничтожить ея господство и водворить на землѣ соціалистическое царство труда и свободы.

Вотъ почему газеты всего міра, враждебныя соціализму и рабочему классу, съ нескрываемой тревогой слѣдятъ за этимъ днемъ и спѣшатъ подѣлиться съ своими читателями вѣстями о томъ, какъ онъ прошелъ. Если участниковъ въ празднествѣ въ какомъ-нибудь городѣ, по какой-нибудь причинѣ, было меньше, чѣмъ въ прошлый разъ, то всѣ подобныя газеты ликуютъ и стараются увѣрить и себя, и публику, что рабочіе начинаютъ отказываться отъ своего праздника и что грозный призракъ соціальной революціи начинаетъ исчезать. Если же участниковъ оказывается больше, — а это, за немногими исключеніями, бываетъ повсюду, — тогда однѣ изъ такихъ газетъ стараются замолчать этотъ фактъ, а другія подымаютъ вопль и требуютъ строгихъ мѣръ для подавленія рабочаго движенія.

И если невеселыя думы приходятъ европейскимъ хозяевамъ на умъ въ день перваго Мая, то это вполнѣ можно понять: торжественный рабочій праздникъ, это — похоронная пѣснь міру отжившему, одряхлѣвшему, это - веселая пѣснь зарожденія міра юнаго и могучаго.

Когда рабочіе выставляютъ требованіе восьмичасоваго рабочаго дня, то, конечно, при этомъ немалое значеніе имѣетъ простой разсчетъ непосредственной выгоды для рабочаго. Чѣмъ меньше будетъ работать каждый отдѣльный работникъ, тѣмъ больше людей потребуется на фабрики и заводы; меньше будетъ безработныхъ, сбивающихъ заработную плату, легче будетъ жить рабочему человѣку, больше сбережетъ онъ здоровья и силъ.

Вѣрный это разсчетъ. Но не въ немъ главная сила. Рабочему нуженъ отдыхъ не затѣмъ, чтобы сберечь свои силы на дальнѣйшій подневольный трудъ. Рабочій своимъ требованіемъ забираетъ гораздо глубже. Онъ готовится къ рѣшительной схваткѣ со всѣмъ царствомъ неправды. Ему нуженъ досугъ, нужны свѣжія силы для умственной работы, для самообра-

зованія, для развитія. Онъ хочетъ вырваться изъ тенетъ той умственной паутины, которою опутали его мысль попы и другіе прислужники современныхъ рабовладѣтелей. Онъ хочетъ вырваться изъ того отупѣнія, въ которое повергло его удручающее однообразіе машиннаго труда или безсмысленная волокита чисто ручного труда. Онъ хочетъ сдѣлаться человѣкомъ, который живетъ въ этомъ прекрасномъ божьемъ мірѣ не за тѣмъ, чтобы съ тяжелой головой и осовѣлымъ взоромъ подняться съ своего бѣднаго ложа, побрести на фабрику, оттуда, съ окончательно опустѣвшей головой, опять на свое ложе, или въ кабакъ, оттуда опять на фабрику, а оттуда, черезъ рядъ столь же однообразныхъ, безсмысленно проведенныхъ лѣтъ,—въ больницу и, наконецъ, въ сырую землю. Онъ хочетъ жить въ природѣ, „самъ слуга и хозяинъ", любуясь ею и понимая ее. Онъ хочетъ внести свѣтъ сознанія во всѣ заплесневѣвшіе уголки стараго міра. Онъ хочетъ знать, какъ устроить на землѣ разумную и справедливую жизнь и какъ бороться за нее успѣшно и навѣрняка. Въ знаніи сила, а въ силѣ побѣда. И рабочій чувствуетъ, что ему нужна эта сила.

Первое Мая — это праздникъ Труда, идущаго завоевать себѣ Знаніе, а съ нимъ и свою разумно-счастливую долю.

Второе первомайское требованіе, — всеобщее разоруженіе и международный миръ,—тоже имѣетъ свою ближайшую, практическую выгоду для рабочаго. Содержаніе войска даже въ мирное время ложится тяжелымъ бременемъ на народъ: вырываетъ изъ рабочей семьи самыя лучшія молодыя и здоровыя силы, стоитъ массы денегъ, сбираемыхъ въ видѣ податей съ того же народа, — не говоря уже о томъ, что войны вносятъ смерть, ужасъ, опустошеніе и раззореніе въ цѣлыя страны. И это — тоже вѣрное соображеніе, но опять таки—не въ немъ сила. Особенно возмутительны и ужасны войны тѣмъ, что благодаря имъ, трудовое населеніе одного народа науськивается на трудовое населеніе другого народа,

и эти братья, имѣющіе общіе интересы и общихъ враговъ, — капиталистовъ, хозяевъ, дворянъ-помѣщиковъ, графовъ и царей, — какъ разъ по велѣнію этихъ своихъ кровныхъ враговъ, точно дикіе звѣри, готовы броситься другъ на друга и перегрызть другъ другу горло. Угнетателямъ рабочаго народа вражда между разными государствами сильно на руку. Они пользуются ею для того, чтобы отуманивать сознаніе рабочихъ и подъ шумокъ вселять въ нихъ убѣжденіе, что всѣ люди данной націи — и угнетенный крестьянинъ, и его притѣснитель дворянинъ, земскій начальникъ, и обираемый рабочій, и сосущій его кровь хозяинъ, и сгибаемый въ баранній рогъ обыватель и нахальный Держи-морда — полицейскій — всѣ прирожденные братья, сыны одного отечества, тогда какъ всѣ люди другой націи — ихъ прирожденные враги. Обряженный въ военный мундиръ рабочій идетъ на войну, воображая, что служитъ отечеству. На самомъ же дѣлѣ онъ служитъ царю и чиновникамъ, которымъ нужно захватывать чужія земли, чтобы увеличить число своихъ подвластныхъ рабовъ; служитъ купцамъ и фабрикантамъ, которымъ нужно провозить свои товары въ новозавоеванныя земли безданно и безпошлинно, а чужіе товары обложить пошлинами; служитъ помѣщикамъ-дворянамъ, которымъ перепадаетъ львиная часть земли покореннаго народа. А между тѣмъ, подъ предлогомъ войнъ, правительство запираетъ въ казармы и муштруетъ десятки, сотни тысячъ солдатъ, превращая ихъ въ безсловесныя машины и пользуясь ими, какъ слѣпыми орудіями, для подавленія, усмиренія и порабощенія народа во время рабочихъ стачекъ и крестьянскихъ бунтовъ.

И вотъ, когда во всѣхъ странахъ, въ одинъ и тотъ же день, въ день перваго Мая, всѣ рабочіе всѣхъ народовъ выходятъ на улицу и на своихъ собраніяхъ провозглашаютъ свое требованіе объ уничтоженіи постояннаго войска, о всеобщемъ народномъ вооруженіи и о прекращеніи войнъ, то они этимъ говорятъ своимъ правителямъ, что разгадали ихъ улов-

ки и больше не хотятъ на нихъ поддаваться. „Мы съ вами“, говорятъ они своимъ богачамъ и притѣснителямъ, „не принадлежимъ къ одной и той же націи. У каждаго народа — *двѣ націи*: *нація* трудящихся и обездоленныхъ и *нація* тунеядцевъ и насильниковъ. Намъ братья — рабочіе люди всякой другой страны; намъ съ ними не изъ-за чего враждовать, нечего дѣлить; у насъ — общія страданія, общіе враги и общая борьба. Но съ вами, хоть вы и называетесь нашими соотечественниками, у насъ не можетъ быть мира и братства, а должна быть вражда и борьба, до тѣхъ поръ, пока существуютъ на землѣ рабочіе и капиталисты, пока не уничтожено неравенство, раздѣляющее людей на различныя сословія и классы!“

И когда, на первомайскомъ празднествѣ, рабочій, участвующій въ немъ, вспоминаетъ, что въ это же время, его братья изъ другихъ народовъ празднуютъ тотъ же великій день и воодушевлены тѣми же чувствами, и когда онъ видитъ знамена съ надписью: „*Работники всѣхъ странъ, соединяйтесь!*“, тогда его чувство братскаго отношенія къ другимъ народамъ крѣпнетъ и мысль объ общности интересовъ всѣхъ трудящихся всего міра горитъ ярче въ его сознаніи.

Праздникъ перваго Мая есть праздникъ всеобщаго мира и братства народовъ.

Третье заявленіе европейскаго пролетаріата въ день перваго Мая — сочувствіе къ русской революціи и къ уничтоженію самодержавія въ Россіи — имѣетъ для него глубокое и важное значеніе. Европейскіе рабочіе, конечно, всегда рады, когда рабочіе отсталыхъ народовъ, наконецъ, просыпаются отъ своей вѣковой спячки и возстаютъ противъ своихъ притѣснителей. Но не въ этомъ только дѣло. Русское правительство притѣсняетъ не только свой собственный народъ, въ угоду своимъ собственнымъ дворянамъ и капиталистамъ. Оно всегда готово, пользуясь своей силой, придти на помощь царямъ, дворянамъ и капиталистамъ другихъ странъ, если они попросятъ у русскаго царя этой помощи, этой защиты противъ возстанія рабочаго народа. Когда, напри-

мѣръ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ противъ австрійскаго императора возсталъ за свою свободу венгерскій народъ, то нашъ царь Николай I-й послалъ русскія войска усмирить и поработить власти чужого государя добивавшихся свободы венгерцевъ. И такъ бывало не разъ. Одно время всѣ государи заключили между собой нѣчто вродѣ общества взаимнаго страхованія противъ народныхъ возстаній, для подавленія общими силами свободы во всѣхъ странахъ, такъ называемый „священный союзъ"; въ этомъ союзѣ русскій царь былъ главной шишкой. Такъ и теперь на „твердую власть" русскаго царя съ надеждой смотрятъ народные притѣснители всѣхъ странъ, разсчитывая па его помощь въ случаѣ рабочаго возстанія. Существованіе царскаго самодержавія въ Россіи — вѣчная угроза дѣлу соціалистовъ и сознательныхъ рабочихъ всѣхъ странъ; его паденіе расчиститъ дорогу соціалистическому движенію повсюду и страшно ускоритъ замѣну царства капитала — царствомъ труда.

Первое Мая, это — всемірный праздникъ революціи и свободы.

Вотъ какой глубокій и всемірно-историческій смыслъ скрывается за скромными, новидимому, требованіями и заявленіями западно-европейскихъ рабочихъ въ день перваго Мая.

Такъ именно и было рѣшено представителями рабочихъ всего міра 11-го августа 1893 года, когда ихъ съѣздъ въ Цюрихѣ постановилъ, что „демонстрація 1-го Мая за 8-ми часовой рабочій день должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ заявленіемъ твердой воли рабочаго класса устранить путемъ соціальнаго переворота раздѣленіе общества на классы и такимъ образомъ вступить на единственный путь, ведущій и къ общественному миру внутри каждой отдѣльной страны, и къ миру международному".

Итакъ, первое Мая есть всемірный праздникъ сознательныхъ рабочихъ и соціалистовъ, праздникъ труда, революціи и свободы, всеобщаго мира и братства народовъ. Съ понятіемъ о праздникѣ соединя-

ется мысль о чемъ то *религіозномъ*. Религію, *вѣру*, имѣютъ люди, когда они служатъ тому, что считаютъ самымъ высшимъ и святымъ, и чувствуютъ, что готовы отдать свою жизнь, если того потребуетъ ихъ вѣра, что готовы пойти по доброй волѣ такъ же безтрепетно и твердо на муки и казнь, какъ нѣкогда радостно шли первые христіане на сожженіе или растерзаніе дикими звѣрями въ циркѣ. Современные сознательные рабочіе и друзья ихъ изъ образованныхъ людей, покончивъ съ религіями, основанными на суевѣріяхъ, имѣютъ свою, новую вѣру — *соціализмъ*. Эта вѣра учитъ, что прекрасный божій міръ не для того существуетъ, чтобы въ немъ тунеядцы наслаждались на счетъ трудящихся, а для того, чтобы всѣ люди могли жить дружной семьей въ тѣсномъ общеніи съ природою, чтобы они ходили за нею, обрабатывали ее сообща на свою пользу и радость, и сообща же пользовались ея богатыми дарами. Эта вѣра, это новое Евангеліе соціализма требуетъ, чтобы не было больше свары между людьми, потому что Природа-Мать всѣхъ можетъ накормить, напоить, обогрѣть и нарядить, умѣй только взяться за дѣло и справедливо распредѣлить между всѣми и трудъ, и удовольствіе. Эта новая религія учитъ, что не должно быть частнаго владѣнія надъ общей кормилицей-землею и всѣмъ тѣмъ, что нужно для труда, для добыванія и обработки природныхъ богатствъ.

Соціализмъ — религія, не выдуманная, не сочиненная попами, какъ всѣ церковныя религіи, для помраченія народной мысли и народной совѣсти. Новую Вѣру открыли — непосредственное чувство любви къ людямъ и разумное отношеніе къ природѣ и человѣческой жизни.

Молодая религія—соціализмъ, и первое Мая — ея первый всемірный праздникъ. За то какой день выбранъ для ея перваго праздника! День перваго Мая, когда сама природа возрождается къ богатой и полной жизни, день обновленія Природы, общей всѣмъ людямъ матери, ихъ кормилицы и поилицы; — день,

когда природа каждымъ своимъ свѣжимъ листкомъ и цвѣткомъ, каждой своей новой травкой, въ каждой трели птицъ говоритъ людямъ: „смотрите, сколько богатства и радости я могу вамъ дать! Развѣ не стоитъ хоть чуточку потрудиться и подумать, какъ сдѣлать вашу жизнь достойною меня, какъ уничтожить всѣ мерзости и безобразія, которыми полна ваша жизнь!“ И западно-европейскіе рабочіе, выходя стройными рядами изъ душнаго и пыльнаго города за городъ, гдѣ много воздуху и свѣта, и зелени, чувствуютъ, широко вдыхая свободный воздухъ, что они люди, дѣти Природы. Въ нихъ пробуждается и крѣпнетъ сознаніе человѣческаго достоинства. Они начинаютъ сознавать и чувствовать, что ихъ судьба и судьба всего человѣческаго рода зависятъ отъ ихъ собственныхъ поступковъ, отъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія, отъ ихъ вѣры въ будущее, отъ ихъ готовности положить жизнь свою за свою вѣру.

Первое Мая, это — первый праздникъ новой всемірной вѣры, вѣры въ свѣтлую будущность людей, религіи соціализма.

Всѣмъ сказаннымъ мы еще далеко не исчерпали всѣхъ значеній Перваго Мая. Да кто исчерпаетъ все богатство сторонъ человѣческой жизни, и мысли, и чувства, затрагиваемыхъ этимъ праздникомъ свободнаго Труда?

Празднованіе 1-го Мая у насъ, въ Россіи, имѣетъ свои особенности. Въ Западно-Европейскихъ странахъ рабочій классъ уже повсюду завоевалъ себѣ въ большей или меньшей степени политическую свободу. Тамъ, на Западѣ, уже могутъ открыто и свободно праздновать первое Мая, и этотъ день для нашихъ тамошнихъ братьевъ — день параднаго смотра своему войску, который подымаетъ духъ борцевъ и увеличиваетъ силы для грядущей борьбы. У насъ же празднованіе перваго Мая и открытое выступленіе на улицу уже есть отчаянная стычка съ врагомъ, царскимъ самодержавіемъ, которое не можетъ и не хочетъ допустить свободнаго и открытаго заявленія

самостоятельной мысли и воли рабочаго народа. Празднуя, вопреки правительству, день перваго Мая, мы смѣло бросаемъ ему вызовъ, мы ему громко напоминаемъ, что дни его сочтены.

Требуя восьмичасового рабочаго дня, мы ему громко говоримъ, что не хотимъ больше быть рабочей скотиной, для которой вся жизнь — трудъ и весь смыслъ существованія — въ трудѣ для другихъ. Мы хотимъ быть людьми, читать и учиться, и знать все то хорошее, до чего додумалась человѣческая мысль, и наслаждаться всѣмъ прекраснымъ, что создано геніальнымъ творчествомъ человѣка.

Требуя прекращенія войны между народами, мы говоримъ русскому правительству и русскому царю, что не хотимъ больше, чтобы насъ водили за носъ и морочили намъ голову національнымъ величіемъ отечества, которое отнимаетъ все у слабыхъ и бѣдныхъ и отдаетъ все богатымъ и сильнымъ. Насъ уже нельзя науськивать и натравливать на другихъ народовъ. Мы не хотимъ больше быть слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шайки хищниковъ для порабощенія другихъ народовъ. Нельзя больше отъ нашего имени, отъ имени русскаго народа, душить финляндцевъ, держать въ оковахъ Польшу, преслѣдовать евреевъ. Финляндскіе, польскіе, литовскіе, еврейскіе рабочіе и рабочіе другихъ народовъ, населяющихъ россійскую Имперію — наши товарищи; они принадлежатъ къ той же вѣрѣ, что и мы, къ вѣрѣ въ человѣчество и въ его будущую разумную и справедливую жизнь. Въ союзѣ съ ними мы выступаемъ противъ нашего общаго врага, противъ васъ, русское правительство и русскій царь! Мы провозглашаемъ братство народовъ и свободу каждаго народа распоряжаться, какъ онъ самъ хочетъ, своими судьбами.

Наконецъ, выставляя наше третье, *главное* требованіе свержения самодержавія и назначенія правительства, выбраннаго всѣмъ народомъ, мы говоримъ теперешнему правительству, что не хотимъ быть больше покорными холопами, пресмыкающимися у подножія трона Его Величества, Самодура Всея Россіи,

а хотимъ быть *гражданами*, т. е. свободными людьми, которые заботятся не только о себѣ и своихъ присныхъ, а о благѣ всего народа и всего человѣчества и которые должны свободно обсуждать и свободно рѣшать, какъ разумнѣе и справедливѣе устроить общественную и государственную жизнь.

И когда 1-го Мая русскіе рабочіе и русскіе соціалисты выставляютъ эти требованія и идутъ на безстрашную борьбу съ врагомъ, они знаютъ, что ихъ самопожертвованіе не пройдетъ даромъ, какъ не пропала даромъ кровь всѣхъ мучениковъ за свободу и справедливость, какъ не пропала даромъ смерть Желябова, Перовской и другихъ ихъ товарищей-героевъ, свѣтлый образъ которыхъ и теперь вдохновляетъ борцовъ и будитъ ихъ святую ненависть къ царящему злу.

Настанетъ и для нашей родины день, когда мы нашъ праздникъ труда, свободы и всемірнаго братства будемъ праздновать открыто, и будемъ въ этотъ день отдыхать отъ трудовъ, стройными рядами, съ знаменами и музыкой, выходить на улицу дѣлать праздничный смотръ боевымъ силамъ рабочаго класса, борцамъ за торжество соціалистической правды.

Чѣмъ энергичнѣе и неустрашимѣе мы будемъ вести нашу борьбу съ самодержавіемъ теперь, тѣмъ скорѣе настанетъ этотъ день.

Впередъ же, товарищи, къ борьбѣ всѣми средствами, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ!

РАБОЧАЯ ПѢСНЯ.

(На мотивъ „Wer schafft das Gold zu Tage...“)

* * *

Кто кормитъ всѣхъ и поитъ?
Кто обреченъ труду?
Кто плугомъ землю роетъ,
Кто достаетъ руду?
Кто одѣваетъ всѣхъ господъ,
А самъ — и нагъ, и босъ живетъ?
Все мы же, братъ-рабочій!
Нужда намъ спину гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Нужда и въ гробъ ведетъ!

* * *

Кто въ тягостной работѣ
Томится день-деньской,
Трудясь въ слезахъ и потѣ
Для прихоти чужой?
На комъ покоится весь свѣтъ?
Кому ни правъ, ни воли нѣтъ?
Все намъ же, братъ-рабочій!
Удѣлъ нашъ — рабства гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Лѣнивый насъ не бьетъ...

* * *

Кто долго тиранія
Опорой вѣрной былъ,
И за царей Россіи
Кто кровь, какъ воду лилъ?
Кто цѣпи самъ себѣ ковалъ?
Кто самъ себя закрѣпощалъ?
Очнемся, братъ-рабочій,
Стряхнемъ незнанья гнетъ,

Развѣемъ сумракъ ночи,
Въ ряды — смѣлѣй впередъ!

* * *

Добьемся лучшей доли
На жизненномъ пиру,
И свѣтлой, вольной воли,
И торжества добру!
Мы въ плуги мечъ перекуемъ,
И новой жизнью заживемъ!
Вставай же, братъ-рабочій,
Гляди — заря встаетъ,
Рѣдѣетъ сумракъ ночи,—
То — свѣтлый день идетъ!

* * *

Возьмемъ же наше знамя —
Свободы красный стягъ!
Оно горитъ, какъ пламя,
Его трепещетъ врагъ!
Зари предъутренней алѣй,
То знамя — ужасъ для царей!
Впередъ же, братъ-рабочій!
Низвергнемъ царскій гнетъ!
Раскрылись наши очи —
Впередъ! впередъ! впередъ!

ПРИГОВОРЪ ЖИЗНИ.

Сонъ подъ 1-ое Мая.

Былъ поздній вечеръ тридцатаго апрѣля.

Онисимъ Петровичъ Крутогорскій, важный барин и милліонеръ, безпокойно ворочался на своемъ мяг комъ ложѣ и напрасно старался заснуть. Впечатлѣ нія пережитаго дня воскресали въ его памяти, пе ремежаясь обрывками неясныхъ мыслей и смутныхъ но непріятныхъ ощущеній.

—„Ахъ, какъ все это непріятно, какъ непріятно! шептали въ полуснѣ его мягкія. сочныя губы.

.....Забастовка на громадномъ сталелитейномъ за водѣ той компаніи, гдѣ онъ — главный акціонеръ — все еще не окончилась...Правда, по теперешнем промышленному кризису это не такъ плохо — и так много залежалаго товара, а, пользуясь стачкой, мож но бы его сбывать по повышенной цѣнѣ...Но, го ворятъ, рабочіе страшно злы на него...Въ город скопилось множество безработныхъ...сильное оже сточеніе...Если они разгромятъ заводъ, убытки бу дутъ громадны...А тутъ еще первое мая на посу.. Сойдутся всѣ вмѣстѣ, совсѣмъ озвѣрѣютъ...

...Главное еще — насчетъ солдатъ нехорошіе слу хи. Въ одномъ мѣстѣ уже отказались стрѣлять вт народъ...Даже офицеры ненадежны...этимъ то че го еще нужно? Кажется, платятъ имъ хорошее жа лованье, а ради нынѣшняго смутнаго времени цѣ лый рядъ новыхъ льготъ имъ дали...

...Въ его южной экономіи мужичье взбунтовалось избило управляющаго, прикащиковъ...оказало сопро тивленіе властямъ...Солдатъ долго не хотѣли посы лать — ненадежны... Положительно, состоятельному человѣку скоро нельзя будетъ жить на свѣтѣ...А ка кими звѣрскими глазами смотрѣли на него эти му жики, когда онъ проѣзжалъ осмотрѣть имѣніе пос лѣ усмиренія! Точно живьемъ съѣсть хотѣли!

И передъ Онисимомъ Петровичемъ встали, как

ивыя, мрачныя, угрюмыя бородатыя лица мужи-
овъ, смущенныя и недовольныя лица солдатъ... еще
еще... а вотъ къ нимъ присоединились новыя ли-
а — испитыя, блѣдныя, и еще болѣе ожесточенныя..
! это забастовавшіе литейщики... какъ ихъ много!
уда это они всѣ идутъ?

* * *

Кукушка на большихъ стѣнныхъ часахъ прокуко-
ала двѣнадцать разъ.

И вотъ Онисимъ Петровичъ видитъ — все больше
больше собирается этихъ людей, идутъ отовсюду
- изъ душныхъ лачугъ, изъ стѣнъ огромной фабри-
и, изъ подвальныхъ этажей домовъ, — крестьяне и
абочіе, мужчины и женщины... Отовсюду идутъ ве-
ницы людей, и, словно мелкіе ручейки, сливаются
одномъ огромномъ человѣческомъ потокѣ... Зло-
щимъ, грознымъ рокотомъ раздается гулъ тысячи
ловѣческихъ голосовъ... Что они кричатъ?

- „На судъ! на судъ!“

Огромная площадь... Посрединѣ — большая эстра-
, обращенная и открытая на всѣ четыре стороны
вѣта... Посрединѣ стоитъ какая то величественная
енская фигура, закрытая таинственнымъ покрыва-
омъ. Это — Та, которая должна произнести свой
риговоръ въ этомъ Верховномъ Судилищѣ... Кто она?

У ея ногъ, не охраняемый стражей, не скованный
пями, стоитъ подсудимый. Окруженный несмѣт-
ой толпою своихъ обвинителей, стоитъ онъ, ожидая
рковаго приговора. И возлѣ него, какъ веществен-
ія доказательства его преступленія, лежатъ гру-
и золота и серебра, слипшіяся отъ человѣческой
рови, залитыя слезами, забрызганныя грязью.

Кто этотъ обвиняемый? Онисимъ Петровичъ съ
чительнымъ любопытствомъ старается вглядѣться
. блѣдныя и какъ то странно-знакомыя черты его
ца. И вдругъ у него волосы стали дыбомъ и хо-
дный потъ выступилъ на лбу... Окаменѣвшій отъ
каса, онъ глядѣлъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.
ѣдь это черты его лица! Вѣдь это онъ самъ, Опи-

симъ Петровичъ Крутогорскій, тамъ, на скамьѣ по судимыхъ... Это на него обращены тысячи ненав дящихъ взоровъ... Онъ погибъ! Нѣтъ ему спасень

А между тѣмъ на площади водворилась гробов тишина. Начался роковой судъ...

И потянулся безъ остановки, безъ перерыва бе конечный рядъ обвинителей — грозныхъ и неумол мыхъ...

* * *

Первымъ выступилъ старый, изможденный лите щикъ.

— Я продалъ тебѣ всю силу моихъ рукъ, я закаб лилъ тебѣ мою душу и тѣло, — вымолвилъ онъ на треснутымъ голосомъ. — Въ твоихъ сундукахъ нѣт гроша, который не былъ бы пріобрѣтенъ цѣною м ей крови. А чѣмъ ты отплатилъ мнѣ за это? Ни когда, никогда не получалъ я отъ тебя достаточно платы, чтобы жить безбѣдно съ семьей. Ты заста лялъ меня работать до истощенія; вычетами и штра фами ты урѣзывалъ мой и безъ того скудный зара ботокъ. Ты обкрадывалъ меня, какъ послѣдній во ришка, крадущій у нищаго суму. И когда я требо валъ повышенія платы, ты, обогащенный моимъ кр вавымъ потомъ, имѣлъ безстыдство прогонять мен съ работы, обрекать мою семью на голодную смерт И когда въ пасти твоихъ машинъ погибалъ кто-ни будь изъ моихъ братьевъ, ты отказывалъ даже да вать ему на саванъ.

И вотъ я стою предъ тобою, старый и изнурен ный, прогнанный тобою, брошенный на произвол голодной смерти — и я требую у тебя отчета въ мо ихъ силахъ, я требую тебя къ суду за мою надлом ленную, ограбленную жизнь!

За нимъ выступилъ старикъ-крестьянинъ.

— И я весь свой вѣкъ маялся, работая на тебя... С моихъ трудовыхъ грошей ты разбогатѣлъ. Какъ во ронъ на падаль, ты являлся, когда за недоимки про давали наши пожитки. Ты тѣснилъ и жалъ насъ, ску

ı вокругъ земли. И по твоей винѣ на старости
гъ я долженъ былъ распроститься съ роднымъ пе-
нищемъ, продать тебѣ за безцѣнокъ мою хату и
ти въ далекую Сибирь, искать новыхъ мѣстъ. Въ
ıхъ тяжелыхъ странствіяхъ умерла моя жена и
ремерли дѣти. Они не вынесли труднаго пути и
злуки съ родимой стороной. И ты, ты ихъ убивецъ.
дь же проклятъ, злодѣй!

* * *

На смѣну имъ явилась женщина съ изможденнымъ,
ıытымъ морщинами лицемъ, съ блѣдными губами,
которыхъ никогда не играла улыбка, съ впалыми
гухшими глазами. То была ткачиха.

И я страдала, какъ и они, — заговорила она мед-
нно и въ ея голосѣ звучало страшное негодованіе.
Ты грабилъ и мучилъ меня даже больше, чѣмъ
жчинъ, ты обращался со мною, какъ съ вьючной
ıтиной. Я прощаю тебѣ это: я прощаю тебѣ мои
удовыя дни и ночи, полныя усталости, страданій
изнеможенія; я прощаю тебѣ, что ты ограбилъ мою
лодость, что ты изсушилъ мою красоту, что ты,
къ вампиръ, высосалъ мою кровь. Но чего я не
гу тебѣ простить, — это что ты меня обрекъ на
ıплодіе. Изъ за тебя я не испытала радости и сча-
ıя материнства. Ты убилъ во мнѣ еще не родив-
яся жизни. Ты убилъ у моихъ сестеръ ихъ дѣтей,
къ. Иродъ избивалъ младенцевъ! Это преступленіе
можетъ быть прощено!

За нею выступилъ пожилой человѣкъ „сынъ на-
да“ и заговорилъ съ глубокой грустью.

Вѣчно согбенный, вѣчно измученный трудомъ и
ıкдой, прошелъ я жизненный мой путь, какъ слѣ-
ı. Я жаждалъ свѣта, знанія, развитія — и не могъ
обрѣсть ихъ. Наука оставалась для меня тайной;
кусство загадкой. Я едва улавливалъ въ глубинѣ
ıи смутное представленіе о солидарности. И въ
мъ мракѣ держалъ меня ты! Ты боялся, чтобъ я
свѣтѣ знанія не научился различать свои чело-

вѣческія права — и ты воздвигалъ храмъ своей вл
сти на моемъ невѣжествѣ.

И въ этотъ часъ твоего суда — я выступаю бол
грознымъ и болѣе неумолимымъ обвинителемъ, чѣм
рабочій и крестьянинъ, которыхъ ты грабилъ и и
нурялъ на работѣ. У меня ты укралъ самое высш
благо, какое только доступно человѣку, благо разв
тія. Для этого преступленія искупленія нѣтъ!

* * *

— Я потерянная, пропащая женщина! — восклик
ла, выступивъ впередъ, проститутка и разсмѣяла
тѣмъ мрачнымъ смѣхомъ, въ которомъ звучатъ кр
вавыя слезы. — Смотри, мои волосы распущены, плат
мое истерзано; мое нѣкогда красивое лице обрюзгл
мои глаза воспалены отъ безсонныхъ ночей, отъ пья
ства и порока. И такихъ, какъ я, сотни тысячъ.
всѣ мы — твои жертвы... Ты раззорилъ и оставил
въ нищетѣ мою семью. Чтобы жить, я должна бы
торговать моимъ тѣломъ... Ты меня развратилъ! Т
научилъ меня жить безъ труда, бросить своихъ ст
рыхъ родителей, снять рабочую блузу, оскверни
свое тѣло, запятнать свое имя. Ты убилъ во мнѣ ч
ловѣка, ты убилъ во мнѣ женщину, ты убилъ во м
мать! Будь же ты проклятъ, людоѣдъ, жаждущій св
жаго тѣла, развратитель дѣтей и убійца невинност
Проклятъ будь, трижды проклятъ!

* * *

Передъ эстрадой, на которой сидѣла Та, котор
представляла собою высшее правосудіе, продолжа
проходить безконечная вереница обвинителей, мол
дые и старики, женщины и дѣти, проходили ниц
и преступники, проходили солдаты-братоубійцы, пр
ходили спившіеся и раззорившіеся — и всѣ разск
зывали свою мрачную повѣсть, и всякій кончалъ
проклятіемъ обвиняемому, владѣльцу окровавленна
золота.

Когда шествіе кончилось, поднялась представ
тельница высшаго правосудія въ своемъ таинстве

номъ покрывалѣ — и на всей необъятной равнинѣ водворилась глубокая тишина.

И Правосудіе заговорило:

— Я выслушала столько стоновъ, что отъ нихъ однихъ земля должна была бы содрогнуться. Слезы, которыя я видѣла, могли бы потопить весь міръ. И всѣ эти стоны, всѣ эти слезы, всѣ эти проклятія падали на одну голову — на голову вотъ этого обвиняемаго, надъ которымъ я должна произнести приговоръ. Я его произнесу. Но раньше, мое слово будетъ къ вамъ, обвинители.

Стоны, которые я слышала, раздавались въ мірѣ много вѣковъ, безъ перерыва; много вѣковъ раздавались глухія проклятія порабощенныхъ, униженныхъ и обиженныхъ, много вѣковъ лились кровавыя рѣки человѣческихъ слезъ, отъ которыхъ должны были бы содрогнуться земля и небо. Но земля не содрогалась, небо, холодное и безучастное, оставалось глухо къ этимъ стонамъ и проклятіямъ. Но, я спрашиваю васъ всѣхъ, молодые и старые, васъ всѣхъ, которые способны держать мечъ въ рукѣ, — содрогалось ли ваше сердце въ вашей груди отъ собственныхъ вашихъ стоновъ? Была ли ваша душа охвачена негодованіемъ, жаждой борьбы и мести — или вы могли только стонать и плакать?

Я спрашиваю тебя, рабочій, который въ продолженіи многихъ и многихъ годовъ тяжелымъ молотомъ разбивалъ и калѣчилъ собственную жизнь, — много ли разъ поднималъ ты этотъ молотъ, чтобы разбить собственныя цѣпи?

Я спрашиваю тебя, крестьянинъ, вся жизнь котораго была агонія голодной смерти, — много ли разъ вооружался ты топорами и ломами противъ тѣхъ, которые обрекли тебя на голодъ, которые отбирали твой урожай, твою скотину, твою землю?

Я спрашиваю тебя, сынъ народа, задыхавшійся во тьмѣ и невѣжествѣ, пожертвовалъ ли ты всѣмъ въ борьбѣ за высшее благо, котораго тебя лишили?

Я спрашиваю васъ, женщины, матери, жены и сестры, васъ, которыхъ грабили, изнуряли, обезче-

ицивали, — что сдѣлали вы, чтобы ваши сыновья, ваши мужья, ваши братья выступили защитниками вашей чести, мстителями за ваши обиды? Зажигали ли вы въ ихъ сердцахъ ненависть къ угнетателямъ? давали ли вы имъ въ руки мечъ? посылали ли вы ихъ на борьбу?

Не говорите мнѣ, что угнетатель былъ силенъ и страшенъ. Посмотрите на него, — онъ передъ вами, — какой онъ жалкій и хилый, когда предоставленъ собственнымъ силамъ. Онъ былъ силенъ вашей силой, онъ былъ грозенъ вашимъ могуществомъ. Вы давали ему золото, которымъ онъ васъ же порабощалъ; вы давали ему вашихъ дѣтей для арміи солдатъ, которые потомъ васъ же разстрѣливали и раззоряли военными постоями. Вы сами помогали вашему палачу надѣвать на васъ петлю, вы были орудіями его преступленія и вашего порабощенія...

Не говорите же мнѣ, что онъ одинъ — виновникъ всѣхъ вашихъ несчастій и бѣдъ. Онъ виновенъ, да; но тяжесть его вины съ нимъ раздѣлятъ многіе... Доля вины за его преступленія лежитъ и на васъ самихъ. Это ваша общая, историческая вина — и нѣтъ почти никого, кто былъ бы отъ нея свободенъ.

А теперь я произнесу мой приговоръ. Онъ будетъ справедливъ. Я буду судить со всею той строгостью, со всей той суровостью, которую заслужилъ обвиняемый своими злодѣяніями. Но въ то же время, я буду судить его со всѣмъ тѣмъ милосердіемъ, на которое онъ имѣетъ право, какъ человѣкъ. Вы знаете — для меня нѣтъ большей драгоцѣнности, чѣмъ человѣкъ, человѣческая жизнь, человѣческое достоинство. Слушай же свой приговоръ, обвиняемый!

Я присуждаю тебя къ тому, что ты считаешь самымъ ужаснымъ, самымъ нестерпимымъ для себя; къ тому, чего ты избѣгалъ больше всѣхъ золъ; къ тому, что ты всячески старался свалить на чужія плечи; къ тому, избавленіе отъ чего казалось тебѣ высшимъ благомъ и цѣлью всей твоей жизни. Короче, я присуждаю тебя — *къ труду!*

Твое бѣлое, выхоленное, откормленное тѣло при-

ыкло только нѣжиться на мягкихъ диванахъ. Твое ице не знало никогда трудового пота. Твои мягкія пухлыя руки не покрыты мозолями. И я присуж-аю тебя трудиться весь свой вѣкъ наравнѣ съ про-ими. Ты считалъ стыдомъ и униженіемъ, считалъ еличайшимъ позоромъ — работу принудительную, ра-оту изъ подъ палки. Я присуждаю тебя къ тому и ругому. Тѣ люди, которыхъ ты презиралъ, на ко-орыхъ ты смотрѣлъ сверху внизъ — они *заставятъ* ебя работать, и воля ихъ будетъ закономъ для те-я, привыкшаго всѣмъ повелѣвать и никому не по-иноваться. Тяжело тебѣ будетъ...но ты этого за-лужилъ".

Осужденный преступникъ низко опустилъ голову. олѣни его подгибались, по тѣлу пробѣжала нервная дрожь. Онъ казался раздавленнымъ, уничтожен-ымъ. На его исказившемся лицѣ быстро смѣнялись ыраженія ужаса, отвращенія, отчаянія...

А Та, которая должна была произнести приговоръ ь этомъ верховномъ судилищѣ, снова заговорила:

— „Мой приговоръ для тебя ужасенъ. Твой умоля-щій взоръ спрашиваетъ меня — гдѣ же то милосер-ie, которое я обѣщала?

„О, несчастный! Не можетъ быть ничего милосерд-ѣе моего приговора. Я тебя присудила къ разум-ому труду. Но развѣ трудъ — наказаніе? Развѣ безъ руда возможна полная, богатая, разумная жизнь? аже камень, который долго лежитъ на одномъ мѣ-тѣ, обростаетъ мохомъ. Даже стоячая вода гніетъ превращается въ вонючее болото. Можетъ ли че-овѣкъ, не работая, развить всѣ свои силы, всѣ тѣ огатыя способности, которыми я его одарила? Мо-етъ ли онъ жить истинно человѣческой жизнью?

„Это ты съумѣлъ обратить трудъ въ несчастье, въ азнь, въ пытку для тысячъ, милліоновъ порабощен-ыхъ тобою людей, лишая ихъ необходимаго отдыха, гнимая у нихъ всѣ плоды ихъ труда. Но самъ по ебѣ трудъ — необходимое условіе счастья, одно изъ еличайшихъ благъ человѣческой жизни...

„Тебѣ этого не понять, несчастный, потому что ты

вдвойнѣ убійца. Ты не только убивалъ непосильной работой другихъ, — ты совершилъ еще величайшее преступленіе предъ самимъ собою. Ты убилъ въ себѣ человѣка, ты превратилъ себя въ паразита, въ празднаго эксплуататора, въ развратнаго тунеядца. И такъ, къ тебѣ, какъ человѣку, несмотря на всѣ твои злодѣянія, я добра и милосердна. Но къ тебѣ, какъ эксплуататору — я безпощадна!"

Только тутъ осужденный набралъ достаточно силы, чтобы поднять голову и, со смѣлостью отчаянія воскликнуть:

— „Кто ты? Я не знаю тебя! Какое ты имѣешь право судить меня? Почему я обязанъ тебѣ повиноваться? Отъ кого получила ты свою власть?"

Отвѣтъ былъ коротокъ:

— „Моя власть — отъ меня самой. Нѣтъ такой высшей власти, передъ которой можно было бы обжаловать мое рѣшеніе, потому что я — *Жизнь*".

И Судія-Жизнь отвернулась отъ подсудимаго и обратилась къ толпѣ обвинителей.

— „Мое послѣднее слово — къ вамъ, по праву выступающимъ истцами въ этомъ судилищѣ. Вы, покорныя жертвы этого палача, вы которые цѣлые вѣка только и дѣлали, что стонали и плакали, оставаясь въ тоже время въ цѣпяхъ, вотъ вамъ мое рѣшеніе:

„Идите къ вашимъ братьямъ, которые томятся на фабрикахъ и заводахъ, въ рудникахъ, на истощенныхъ нивахъ, — идите и скажите имъ, что ихъ судьба въ ихъ собственныхъ рукахъ. Я имъ не ставлю преградъ. Скажите крестьянину, чтобы онъ смѣло силой отобралъ и волю, и землю, которая принадлежитъ ему по праву, и чтобъ онъ защищалъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Скажите рабочему, чтобъ онъ завладѣлъ фабриками и заводами, которые созданы его трудомъ. Скажите трудящимся, чтобъ они отказались платить подати и дани своимъ грабителямъ; скажите отцамъ и матерямъ, чтобы не пускали своихъ сыновей въ солдаты. Скажите цвѣту вашего юношества, чтобы они отказались защищать окровавленные троны и богачей — грабителей, чтобы они отка

зались повиноваться своимъ начальникамъ — палачамъ. Скажите имъ, что они, защитники рабочаго класса, должны поднимать оружіе только противъ поработителей этого класса.

„Скажите имъ всѣмъ, — что единственные законные судьи своихъ палачей — они сами и что часъ возмездія насталъ...

„Идите тотчасъ же, идите немедля. Подсчитайте еще разъ ваши силы — и къ дѣлу! Вы знаете, что сегодня вашъ день, день смотра великой арміи труда, всемірный рабочій праздникъ. Крикните же открыто и громко всѣмъ тѣмъ, кто еще не проснулся отъ духовнаго сна — вставайте! проснитесь! Сегодня — первое Мая!“

* * *

Эти послѣднія слова раздались такъ громко, что Онисимъ Петровичъ въ ужасѣ жалобно застонпалъ и открылъ глаза... И въ ту же минуту исчезло все — площадь, толпа народа, эстрада, грозный Судія — Жизнь... Кругомъ была обычная обстановка спальной Крутогорскаго, а надъ самой его постелью стоялъ изящный молодой человѣкъ, его племянникъ, и дѣйствительно громко говорилъ надъ самымъ его ухомъ:

— Вставайте же! проснитесь! Сегодня — первое Мая! Вы сами просили разбудить васъ пораньше, чтобы успѣть съѣздить заранѣе еще разъ къ жандармскому полковнику...

Неудержимая, дикая радость овладѣла всѣмъ существомъ Крутогорскаго.

— Слава Богу! такъ это былъ только сонъ! воскликнулъ онъ облегченно. Но какой же ужасный... какой правдивый... какой нелѣпый, какой невѣроятный сонъ!

И въ то же время въ глубинѣ его души шевельнулся тревожный, мучительный, роковой вопросъ, отъ котораго сжимолось сердце:

— Полно, только ли сонъ?

И въ видѣ отвѣта на этотъ вопросъ, въ открытую

форточку окна ворвался въ комнату милліонера какой то глухой, неясный, но грозный рокотъ...

То сознательные рабочіе и соціалисты изъ всѣхъ сословій и званій манифестировали на улицѣ, развѣвались красныя знамена, раздавались революціонныя пѣсни, начиналась схватка съ полчищами полицейскихъ и жандармовъ.

И въ умѣ Крутогорскаго молніей промелькнула мысль, что то начинаютъ воплощаться его ужасныя ночныя видѣнія...

„ВОЛЬНЫЙ РАБОЧІЙ*)“

Улицей узкою, шумной и бѣдной
Шелъ, опустивъ воспаленныя очи,
Въ грязныхъ лохмотьяхъ, дрожащій и блѣдный,
„Вольный рабочій“....

Вольный! Онъ можетъ, гдѣ хочетъ, скитаться,
Можетъ бродить онъ по улицамъ шумнымъ,
Можетъ онъ плакать и можетъ смѣяться
Смѣхомъ безумнымъ.

Можетъ стучаться онъ въ каждыя двери:
Голода муки никто не замѣтитъ, —
Сытые люди бездушны, какъ звѣри,
Смѣхъ лишь онъ встрѣтитъ.

Съ горькимъ проклятьемъ и жгучимъ укоромъ
Можетъ замерзнуть онъ ночью холодной,
Иль умереть гдѣ нибудь подъ заборомъ
Смертью голодной.

Что же онъ сталъ? Иль себя онъ боится?
Дико глядятъ воспаленныя очи...
Что ему нужно? Вѣдь волепъ, какъ птица
„Вольный рабочій“...

*) Первоначально было напечатано въ органѣ „Союза Соціалистовъ Революціонеровъ“ „Русскіи Рабочій“.

РАЗРУШЕННЫЙ МОЛЪ.

(Фантазія).

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханьемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, покрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца, — когда то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ — огромный и черный.

И волны морскія — могучія, вольныя волны — встрѣчались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу, — и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія, вольныя волны, пока не сломила ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудомъ блестятъ серебряныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной пучиною моря пѣснь о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

* * *

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря-мать ихъ баюкала пѣсней и въ весельи безпечномъ катились онѣ въ туманную даль... Но мрачный и злобный тиранъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ, чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездной морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись...

Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки рабы принялись за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставали земли и въ пучину морскую бросали.

Взыгралося море.

Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно упадаютъ; скачутъ, рѣзвятся, хохочутъ, угрюмыя скалы ласкаютъ.

Шепчутся волны: „то-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурые гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!“

Весело юнымъ волнамъ.

Буря лишь мать, да отецъ-ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ, падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутилися волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые ихъ скована воля...

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью — съ стономъ отхлынули прочь... Стѣна холодна, неприступна...

Вздрогнуло море...

Мчатся угрюмыя волны. „Измѣна, измѣна!“ кричатъ. „Мы ихъ, какъ друзей, принимали. Свободу, свободу украли у насъ!“

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-ураганъ.

„О скалы, о грозныя скалы! Когда-то и вы свободными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?“

Нахмурились грозныя скалы. „Не наша въ томъ воля...“ — мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся и зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны сзываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

„О волны! о бѣдныя волны! Погибла, погибла свобода! Отнынѣ рабами вы стали...“

И мрачно умчалися прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли не будитъ ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ. И юныя волны угрюмо катятся, — не слышно н смѣха, ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце туск кло такъ свѣтитъ надъ ними, и небо такъ хмуро такъ сѣро кругомъ...

Лишь юныя волны порой, истомившись въ суро вой неволѣ, отважною ратью сбирались, одни н врага ополчались...

Грудью, сомкнувшись, ударятъ объ острыя скалы-тщетно! нѣмыя громады не дрогнутъ... Гулкимъ эхом лишь стонъ раздается — то стонутъ разбитыя груд отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою раз бивали, — все мрачнѣй и мрачнѣй становилось во кругъ...

Смирилися волны, утихли... „Будемъ ждать, бу демъ силъ набирать...“

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны, гонцовъ во всѣ сторон моря онѣ разослали, спящихъ будить, всѣ волны н битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ ста рымъ волнамъ — старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ.

„Нѣтъ въ насъ ни мощи — нѣтъ въ насъ поры ва... Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами спо рить!“

Бросились волны-гонцы родимыхъ искать, — ма тушку-бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по мо рю-нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

„Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вам мы гонцами пришли.

„Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное мор летите!

„Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ брать евъ сковали!

„Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

„Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

„Не страшна намъ борьба и смерть не страшна... Лишь было бы море свободно!

Трепетно сердце забилось у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили — добрые старые годы...

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ущелій въ безбрежное синее море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

„Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

„Вставайте, могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушьте преграды!“

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ. Черныя тучи нависли кругомъ, когда впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны собирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась, — ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ..

Поднята рать.

„Впередъ, могучія волны! Смерть иль свобода!“ Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы... близко ужъ волны.. Несутся все быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ вы-

ступаютъ, грудью ударились въ скалы — замертво пали...

Брызги пѣны, горячей, какъ кровь, высоко надъ небомъ взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать буря... „Дѣти, родимыя дѣти! Ужъ первыя пали, много еще васъ падетъ, но сломимъ силу врага!“

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянутъ назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало — сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнутъ, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ; всѣ волны въ одну собирались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Вздрогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хоть частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ, слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья!

Какъ могучіе львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись! Разсыпались бѣлыя кудри... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подъ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется новая рать...

Чуютъ кругомъ: иль свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ.

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно ударила въ стѣну — дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ...

Замерли волны. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова... Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ подались, и съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

„Прочь, позорные трупы!“ Скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

„Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежатъ!“

Разверзлось дно моря и въ мрачную бездну съ проклятіемъ скалы упали... „Наша-ль вина.....? Волнамъ — слава, намъ — вѣчный позоръ за позорное дѣло...“

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ — свобода!

ВЪ КАЗЕМАТѢ.

Лирическая поэма.

I

Не удалось!... Опять въ тюрьму
Посаженъ заговорщикъ старый,
И вновь грозятъ жестокой карой
Жандармы злобные ему.
Не удалось!... И онъ, угрюмый,
Помятый жизнью инвалидъ,
Одинъ съ своей тяжелой думой,
Какъ волкъ затравленный, сидитъ.
Что ждетъ его? Тюрьма — иль плаха?
Но, въ буряхъ жизни закаленъ,
Давно не знаетъ чувства страха
И не боится смерти онъ.
Его манитъ покой могилы:
Онъ истомился, онъ усталъ,
Въ свои извѣрился онъ силы
И рваться къ волѣ пересталъ.
Горячей вѣры яркій пламень
Въ душѣ, какъ прежде, не горитъ:
Одна лишь мысль, какъ тяжкій камень,
Какъ гиря, на сердцѣ лежитъ...

Вновь жертвы коситъ бой неравный
Потерянъ счетъ числу могилъ...
За край родной, за край безправный
Опять погибло много силъ...
Но кто же, кто спасетъ отчизну?
Всѣ гибнутъ... всюду стонъ и плачъ...
На ихъ костяхъ справляетъ тризну
Неумолимый царь — палачъ.
И наложить онъ можетъ снова
На весь народъ, на край родной
Несокрушимыя оковы

Самодержавною рукой.
Никто ему не помѣшаетъ:
Крестьянинъ терпитъ и страдаетъ,
И, утерявъ послѣдній стыдъ,
Позорно „общество“ молчитъ...
Но кто же остается? Кто же?
Рабочихъ избранный кружокъ
Да горсть зеленой молодежи —
Неутѣшительный итогъ!
Подавленъ всякій духъ свободный,
И, что ни годъ — то вновь и вновь
Рядъ зрѣлищъ казни всенародной,
Гдѣ льется праведная кровь...
И гибнетъ все, что передъ силой
Не клонитъ гордаго чела;
Встаетъ могила за могилой,
Гдѣ прежде молодость цвѣла.
Протеста нѣтъ... Безсильны, вялы,
Сложивъ оружье предъ врагомъ,
Бормочатъ что-то либералы...
Обычнымъ рабьимъ языкомъ...
Одни лишь съ честью держатъ знамя —
Сибирь да мрачный казематъ,
Да изъ далекаго изгнанья
Проклятья гнѣвныя звучатъ.
Звучатъ они, и местью дышатъ,
Въ нихъ страстный гнѣвъ ключемъ кипитъ,
И боль души, и жгучій стыдъ
Въ нихъ ухо чуткое разслышитъ...
Звучатъ они... Къ чему? зачѣмъ?
Напрасно все. И глухъ, и нѣмъ,
Родной народъ не отвѣчаетъ
И не откликнется на нихъ:
Онъ и по имени не знаетъ
Борцовъ измученныхъ своихъ...

II

Тамъ, гдѣ морями окаймленный
Лежитъ туманный Альбіонъ, —

Томился нѣкогда и онъ,
Изгнанникъ, мрачный, удрученный,
На берегъ дальній и чужой
Враждебной выкинутъ волной.

Трудны тѣ были времена.
То былъ конецъ Народной Воли...
Истощена, разгромлена
Какъ свѣчка таяла она,
Не разорвавъ цѣпей неволи...

Шли годы. Ранней сѣдиной
Его посеребрился волосъ
Но снова ожилъ онъ душой,
Лишь только изъ страны родной
Опять донесся жизни голосъ.

И онъ пошелъ... Слѣпецъ, слѣпецъ!
Онъ вѣрилъ, что вотъ-вотъ конецъ
Терпѣнью общества настанетъ,
И дружно все оно возстанетъ
Стряхнуть съ себя позорный гнетъ,
Оковы рабства разорветъ —
И свѣтлый проблескъ новой жизни
Увидитъ онъ въ своей отчизнѣ...
И полетѣлъ въ Россію онъ,
Мечтой завѣтной окрыленъ.

Увы, мечтатель благородный,
Увлекся, обманулся ты,
И о солдатскій штыкъ холодный
Разбились смѣлыя мечты.
Сознанье горькаго безсилья
Ты, побѣжденный, ощутилъ
И безнадежно опустилъ
Свои подрѣзанныя крылья...

И вспомнилъ онъ, тоской томимъ,
Какъ много юношей за нимъ
Самоотверженно рванулись
На поединокъ роковой,

Будить примѣромъ край родной —
И такъ же горько обманулись...
Опять разгромъ... такой разгромъ,
Что въ тюрьмахъ мѣста не достало!
Ты жадно ждалъ, что грянетъ громъ, —
Но громъ не грянулъ. Все молчало.
За то ты вскорѣ увидалъ,
Какъ цѣлый городъ ликовалъ,
И за четою августѣйшей
Бѣжалъ восторженной толпой
Народъ твой — этотъ сфинксъ новѣйшій
И неразгаданный тобой!

„Что жъ дѣлать! Да—вдали, въ изгнаньи
Понять была не въ состояньи
Моя сѣдая голова,
Что братство, равенство, свобода
Для святорусскаго народа —
Непостижимыя слова!
Не думалъ я, что глупо мѣрить
Своею мѣркою рабовъ...
Нѣтъ, нечего мечтать и вѣрить:
Народъ къ возстанью не готовъ,
И то, что я считалъ дремотой —
Глубокій, непробудный сонъ;
Въ одно стоячее болото
Весь край родимый превращенъ!
„Напрасно ненавистью правой
Горѣли юныя сердца;
Напрасенъ трудъ, и потъ кровавый,
И жертвы, жертвы безъ конца...
Такъ вѣтеръ вольный и мятежный,
Не проникая въ глубину,
Напрасно бьетъ о плесъ прибрежный
Прудовъ зеленую волну.
Тамъ, въ глубинѣ, какъ въ колыбели
Заснули воды вѣчнымъ сномъ
На вязкой, тинистой постели,
Заросшей дикимъ камышемъ.
Пройдетъ дыханье непогоды —

И вновь поверхность зацвѣтетъ,
И обезсиленныя воды
Не порываются впередъ...
Растенья съ длинными стеблями
Живою сѣтью обовьютъ
И медленно задушатъ прудъ
Своими цѣпкими руками...
Въ затишьи помертвѣлыхъ водъ
Болотныхъ гадовъ хороводъ
Найдетъ раздолье и отраду...
Смирись же, гнѣвная волна!
Смирись! ты не пробьешь одна
Свою прибрежную ограду!...“

III

Года проходили. Угрюма тюрьма.
Сырыя, холодныя стѣны,
Царящій вокругъ полусвѣтъ-полутьма,
Матрацъ изъ соломы и сѣна,

На уровнѣ роста — окошка просвѣтъ,
Желѣзной рѣшеткой обвитый,
Да вдоль каземата — извилистый слѣдъ,
Ногой заключенныхъ пробитый.

Но жить ужъ не долго. Ему не помочь:
Изжиты здоровье и силы,
И темною бездною мрачная ночь
Зіяетъ изъ близкой могилы...

И смерть подошла. Но предъ самымъ концомъ
Страдалецъ больной, истомленный
Воспрянулъ опять непреклоннымъ бойцомъ
И духомъ воскресъ заключенный...

Онъ духомъ силенъ, не враждуетъ съ собой,
Отчаянье прочь отлетѣло,
И вѣра въ отчизну владѣетъ душой,
Какъ въ прежніе годы, всецѣло.

Съ восторгомъ во взорѣ онъ гимны слагалъ
Во славу богини — Свободы,
И вдоль каземата шагалъ и шагалъ,
И звучно восторженный гимнъ оглашалъ
Нѣмые тюремные своды.

„Пусть царствуетъ тьма и сгущается мракъ
Надъ нашей несчастной отчизной;
Пускай торжествуетъ озлобленный врагъ
Побѣду кровавою тризной.

„Пусть тѣшитъ себя мимолетной мечтой,
Что вырвана съ корнемъ крамола;
Не нынче, такъ завтра — въ отчаянный бой
Опять устремится толпа за толпой, —
И пышный престолъ заколеблется твой,
И рушится гнетъ произвола!

„Пусть даже судьба улыбнется тебѣ
И наши разрушатся планы;
Пусть даже погибнемъ безплодно въ борьбѣ
Всѣ мы — смѣльчаки-партизаны;

„Настанетъ пора — и рабочій народъ
Отмститъ за страданье и горе,
И ринется бурнымъ потокомъ впередъ,
Размоетъ плотины, твердыни снесетъ
Бушуя, народное море!

„Но буря затихнетъ, и туча пройдетъ,
Улягутся вѣтра порывы,
И полною грудью природа вздохнетъ,
И утро ласкающимъ свѣтомъ зальетъ
Грозой освѣженныя нивы.

„Востокъ заалѣетъ, востокъ заблеститъ,
Разсѣется тьма вѣковая,
И наша побѣдная пѣснь зазвучитъ
И грянетъ отъ края до края:

„Побѣда! Да здравствуетъ край нашъ родной!

Прошли униженія годы!
Разбитъ деспотизма оплотъ вѣковой
И врагъ европейской свободы!

„И кровью купившій свободу свою
Не другомъ реакціи дикой, —
Свободнымъ отнынѣ къ народамъ въ семью
Вступаетъ народъ нашъ великій!

„Вы, братья по дѣлу въ сосѣднихъ краяхъ—
Смѣлѣе теперь за работу!
Огонь зажигайте въ несмѣлыхъ сердцахъ,
Гоните отъ спящихъ дремоту!

„Забейте тревогу! Ударьте въ набатъ!
Вдохните энергію въ груди!
Въ ружейномъ дыму, наверху баррикадъ
Сомкнитесь, свободные люди!

„Пускай же на голову вашихъ враговъ
Давно ненавистныхъ народу
Падетъ вся невинно пролитая кровь
Во имя борьбы за свободу!

„Смѣлѣе же, братья! Вы — свѣтъ міровой,
Вы — новаго царства предтечи!
Смѣлѣе, навстрѣчу борьбѣ роковой,
Трудамъ и лишеньямъ навстрѣчу!

„Потомство оцѣнитъ вашъ подвигъ святой,
Падутъ клеветы и упреки...
Смѣлѣе же, братья! Вы — свѣтъ міровой,
Вы — новаго царства пророки!"

* * *

То было давно... Протекли времена,
Борцы появились на смѣну;
Волшебница въ двери стучится весна,
Россіи сулитъ перемѣну...

И перваго мая на смотръ боевой
Недаромъ мы стали сбираться,

Поздравить другъ друга съ грядущей весной
И силой съ врагомъ посчитаться.

Какъ нѣкогда наши герои отцы
Мы рвемся — докончить ихъ дѣло;
Безсмертные живы для насъ мертвецы,
Стезей ихъ мы шествуемъ смѣло.

И перваго мая вспомянутъ сыны
Словами любви и печали
Тѣхъ ласточекъ—вѣстниковъ близкой весны,
Что первое марта создали!..

Восьмичасовой рабочій день.

Сказка.

(Съ нѣмецкаго).

Дѣло было подъ вечеръ перваго мая.

Пока привратникъ еще не заперъ небесныхъ воротъ и не зажегъ, какъ полагается, звѣзды, Господь Богъ пошелъ по своему обыкновенію немножко прогуляться по землѣ.

Идетъ онъ себѣ по улицѣ, и вдругъ видитъ: валитъ прямо къ нему на встрѣчу громадная толпа народу. По всему видно — идутъ они прямо съ работы. Лица и руки у нихъ грязныя, закопченыя, бредутъ тяжелыми, усталыми шагами.

— Чего это вы вздумали ко мнѣ явиться, на ночь-то глядя? спрашиваетъ ихъ Господь Богъ.

— Да раньше-то никакъ нельзя было намъ выбраться съ фабрики — отвѣчали они. Вотъ и пришли то мы къ твоей милости затѣмъ, чтобы ты въ нашихъ заботахъ распорядокъ установилъ какой ни на есть, получше.

Присѣлъ Господь Богъ на камень у дороги — даже лобъ наморщилъ.

— Я только диву даюсь, на васъ глядючи — говоритъ онъ. И что это вы за обыкновеніе такое себѣ взяли: о какой камешекъ не спотыкнетесь, сейчасъ ко мнѣ приставать! Вотъ — недалеко ходить — еще сегодня утромъ попъ изъ Криволучья тоже привязался ко мнѣ — позволю ли я ему въ четвергъ гостей созвать! Онъ, видите ли, для пригласительныхъ писемъ почтовой бумаги себѣ купилъ, на которой золотыми буквами разрисовано: „Съ Божіимъ благословеніемъ“... — Ну, скажите на милость, я то чѣмъ тутъ виноватъ? Только по пусту время съ вами тратишь. Ужъ я ли не хорошо все устроилъ — кажется, могли бы теперь и сами, не приставая ко мнѣ, устраиваться, какъ слѣдуетъ!

Такъ разсуждалъ себѣ Господь Богъ.

А люди вдругъ всѣ разомъ бросились на колѣни и начали, другъ друга перебивая, кричать: „Мы просимъ немногаго... Мы не хотимъ работать больше восьми часовъ въ день... Вѣдь намъ нужно время выспаться... хочется тоже и почитать что нибудь... со своими ребятишками поиграть, повозиться... въ зеленомъ лѣсу на лужайкѣ отдохнуть, душу отвести... Мы хотимъ имѣть свободное время, чтобы полюбоваться на то, какъ хорошъ, какъ красивъ весь твой Божій міръ — мы хотимъ понимать и хорошую музыку, и всякое искусство, хотимъ отзываться на все прекрасное, чѣмъ ты одарилъ землю"...

— Господь съ вами, да кто же вамъ все это запрещаетъ? — вскричалъ Господь Богъ.

Тогда вдругъ выступили впередъ подошедшіе тѣмъ временемъ фабрикантъ, помѣщикъ и попъ, и, поклонившись Господу Богу въ поясъ, почтительно, но твердо сказали:

— Всемилостивѣйшій владыка, нѣтъ никакой возможности удовлетворить просьбу этихъ людей. Если такъ мало работать, то міръ не можетъ существовать. Тогда все пойдетъ прахомъ.

Поглядѣлъ-поглядѣлъ тогда Господь Богъ на этихъ грехъ господъ, да и спрашиваетъ:

— Это что же — только вы втроемъ такъ думаете?

— О, нѣтъ! отвѣчали они. И другіе того же мнѣнія... многіе такъ думаютъ... даже очень многіе. Мы трое — только ихъ представители здѣсь предъ Вашимъ свѣтлымъ ликомъ.

— А коли такъ, почему же и вы не пришли ко мнѣ всѣ вмѣстѣ, вотъ какъ эти рабочіе?

Переглянулась между собой наша троица. Сперваначалу было смутились, а потомъ ничего — оправились.

„Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло — говорятъ — другимъ какъ разъ сегодня некогда было. Такой случай вышелъ. Одинъ только что получилъ новую интересную книжку... Другой отправился на прогулку, въ лѣсъ, на зеленую лужайку... Третій сегодня въ театрѣ... четвертый въ концертѣ... Одинъ играетъ до-

ма со своими ребятишками... еще одинъ отдыхаетъ на своемъ большомъ мягкомъ диванѣ...

Тогда Господь Богъ махнулъ рукой, да вдругъ и расхохотался отъ всей души такимъ веселымъ смѣхомъ, что на землѣ всѣ колокола зазвонили. Повернулся онъ къ рабочимъ и говоритъ:

—Чего же вамъ еще отъ меня нужно? Вотъ вамъ примѣръ! Вы видите, что они и безъ меня съумѣли отлично устроиться... точь въ точь, какъ вамъ бы хотѣлось. Ступайте-ка обратно къ себѣ на землю да и поступайте такъ же, какъ они. А мое благословеніе — да будетъ съ вами!

ВОСЕМЬ ЧАСОВЪ.

Братья, нѣтъ силъ для терпѣнья! Мы слишкомъ устали
Вѣчно бороться за жизнь — эту жизнь нищеты и печали!
Хочется воздуха, краснаго солнца, простора, душистыхъ цвѣтовъ...
Прямо и смѣло заявимъ: мы требуемъ — „восемь часовъ“!

Всюду — на фабрикахъ, въ шахтахъ, въ толпахъ возглашайте народныхъ:
„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна, восемь — свободныхъ!“
Наши волы, что пасутся, покончивши трудъ,
Птицы небесныя, звѣри лѣсные счастливѣй живутъ

О, если такъ... для чего же душа въ насъ живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, отъ края до края!
Съ бою возьмемъ нашу долю, сбросивъ покорность раба;
Знайте, цари и тираны, что не страшна намъ борьба!

Грянь же, нашъ кличъ боевой, и въ поляхъ, и въ собраньяхъ народныхъ:
„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна, восемь — свободныхъ!“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Первое мая и народная революція.
2. Красное знамя. Три стихотворенія.
3. Значеніе первомайскаго празднества.
4. Рабочая пѣсня.
5. Приговоръ жизни. (Сонъ подъ 1-ое мая).
6. Вольный рабочій. Стихотвореніе.
7. Разрушенный молъ. Фантазія.
8. Въ казематѣ. Лирическая поэма.
9. Восьмичасовый рабочій день. Сказка.
10. Восемь часовъ. Стихотвореніе.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Krasnoe znamia : pervomaiskii
891.708 K89
D90350447W